

У книг Петра Проскурина завидная судьба, они давно уже имеют своего читателя, а само творчество его, обращенное к истокам народного подвига — в Отечественную войну и послевоенное время, который уже год является предметом пристального внимания критики. И сегодня, когда в издательстве «Современник» только что вышли первые тома первого собрания сочинений П. Проскурина, думаешь, вполне оправданно и уместно сказать несколько слов как о самом издании, так и о том главном, что определяет его художнический поиск, глубину постижения жизни народной на крутых поворотах истории.

Собственно проспект издания, рассчитанного на 5 томов, включает в себя такие этапные для творчества пи-

го, чего нет, а из того, что есть и что, будучи теперь сведенным воедино, способно с новой силой воздействовать на наши ощущения всегда неожиданным актом художественного творчества. И если под этим углом зрения взглянуть на включенные в пятитомник произведения, к слову сказать, открывающийся энергичной и содержательной статьей В. Чалмаева, то следует признать, что он дает во многом целостное представление о творческом пути писателя.

Уже в первом рассказе П. Проскурина «Цена хлеба», где цена куска хлеба измеряется ценой человеческой жизни, заметно стремление молодого автора к изображению предельных ситуаций, выявляющих нравственные истоки патриотизма советского характера. В героическом по-

знательно укрупняемых автором, и при всех сюжетных различиях произведений, в которых читатель вместе с героями переживает много сложного, драматичного на пути длиною в десятилетия, — отмеченная общность художественного видения мира писателем осознается прежде всего через ту главную, для него мысль, которая лежит в основе его жизненного и творческого кредо: **корни обнажаются в бурю**. Так назвал П. Проскурин один из своих романов. И в каждом своем новом полотне он стремится как можно глубже проникнуть в психологию человека, стоящего на грани решительного выбора, вскрыть и понять за таенные силы народные, которые, словно вулкан, потрясают мир в ответственные моменты бытия.

В центре внимания писа-

«витке» идет у писателя в глубину, а вопросы, которыми он задается, как и их художественные решения, становятся все сложнее. Об этом свидетельствует роман «Имя твое», здесь мы сталкиваемся с качественно новым этапом нравственного развития нашего общества, который начинают собой послевоенные годы.

«Не годы сделали нас взрослыми». «Война научила нас мыслить». За короткое время она открыла нам то, что другой не узнает и за всю жизнь». Эти слова юного подпольщика Андрея Веселова из романа П. Проскурина «Глубокие раны», на мой взгляд, приложимы не только к М. Алексееву и Ю. Бондареву, В. Быкову и Г. Бакланову, В. Богомолу и И. Стаднюку, к тем, кого потом назовут писателями

чи и несущим ее до конца, сознательно идущим на то, что оправдывалось обстоятельствами сурового времени и было необходимо для жизни и счастья людей.

Героическое и трагическое, переплавленное в судьбах многих героев П. Проскурина, с необыкновенной остротой несут в себе то, что в философии обозначено термином «познанная необходимость». Ибо героизм этих людей, выкованный всем строем нашей жизни, делает их борьбу и их жертвенность в этой борьбе не взаимоисключающими, а воспринимаемыми в единстве, когда необходимость действий человека совпадает с его внутренней свободой. Действия героев «Исхода» становятся свободными как раз в силу того, что они знают, что эти действия необходимы, и они

Собрание
сочинений
Петра
Проскурина

СУДЬБА ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

сателя произведения, как романы «Корни обнажаются в бурю», «Горькие травы», сделавшие имя их автора известным всесоюзному читателю, «Исход», его романную диалог — «Судьба» и «Имя твое», «камчатские» повести — «Тихий, тихий звон» и «Тайга», повесть «Шестая ночь», циклы северных и «военных» рассказов... Остается лишь сожалеть, что за пределами издания остался роман «Камень-сердолик», книга, без которой, по словам самого П. Проскурина, «Судьба» была бы невозможна, а также такие сильные вещи, как «В старых раниках» и «Черные птицы» — эти повести свидетельствуют не только о более рельефном психологическом мастерстве писателя, но и о способности его видеть жизнь человека сразу в нескольких измерениях. В настоящем издании не нашлось места и для публикации П. Проскурина, которой, кстати, на сегодня накопилось порядочно, не на один, наверное, том и которая по своим наблюдениям, по охвату явлений действительности и современной литературы, наконец по осмыслению связи времени — прошлого и настоящего — могла бы дополнить наши знания о гражданских, нравственных, этических и других началах проскуринской прозы, отличающейся богатством жизни и глубиной человеческих чувств.

Однако, думаю, мне, надо все же исходить не из то-

ступке Генки Петрова, друга и однокашника пожилого моториста Меркулова, с которыми они вместе мыкали фашистскую неволю, а потом бежали из плена, отчетливо виден тот последний предел, к которому автор ведет своих героев, испытывая их жизненной силой и человеческой значимостью. И это первое, может быть, еще робкое, с точки зрения художественности, но уже граждански точное решение драматической коллизии, связанное с осмыслением социального и нравственного опыта личности и народа, останется у П. Проскурина непререкаемым и в его зрелых созданиях 60—70-х годов, где идейный и нравственно-психологический выбор героев поднят до высот философского обобщения.

Книги П. Проскурина имеют общность, которая роднит эти многоплановые художественные повествования. И общность эту определяют не только сходные внешние приметы, легко угадываемые в проскуринских романах, не только обращение писателя к недавнему героическому прошлому и даже не только во многом идентичный угол зрения, под которым он исследует сложность человеческих судеб, характеры людей, прошедших сквозь огонь Отечественной войны и преодолевших невероятные трудности созидания новой жизни. При всей неоднозначности решения социальных и нравственных проблем, со-

творя, воспроизводящего события большого социального и нравственного накала, стоит народ. Народ, действующий непосредственно или персонализированный в ярких типических образах. Стремясь к правдивому изображению судьбы народа, его характера и духовного облика, П. Проскурин-романист не просто рисует переломные, поворотные периоды истории советского общества, исторические события, оставившие глубокий след в жизни народа и оказавшие значительное воздействие на нее, но само содержание описываемой эпохи рассматривает в аспекте непримиримой борьбы между старыми и новыми общественными силами.

Каждый рубеж, каждая отчаянная «точка» в том или ином большом произведении П. Проскурина — будь то «Горькие травы» — драматический рассказ о первом послевоенном десятилетии жизни нашей страны или «Исход» — широкое полотно о борьбе брянских партизан против ненавистного врага, наконец эпопея «Судьба», раскрывающая в судьбах своих героев судьбы народные, нравственную силу народа в годы великих испытаний, — важный этап в жизни нашего общества, нашего народа. При этом необходимо подчеркнуть, что возвращение к истокам народной жизни, к судьбам людей, чьи характеры нещадно испытываются в трудные для страны годы, на очередном

фронтового поколения, но и к самому П. Проскурину, в свои тринадцать лет увидевшему, как вместе с фашистами смерть пришла на родную Брянщину. П. Проскурин, спустя шесть лет после написания «Глубоких ран», вновь вернувшийся в «Исход» к теме войны, к теме подвига и героики в те тяжелые годы, которые вобрали в себя несчетное количество человеческих судеб и отважных деяний, нацеливает свое внимание на душевные побуждения людей. Эпизоды «Исхода», посвященного боевым действиям отряда капитана Трофимова, как бы концентрируют в себе те высшие понятия, которые в сознании советских людей определила война. Казалось бы почти невероятным в обыденном шаге капитана Трофимова, заведомо посылающего своего разведчика Володю Скворцова в волчье логово фашистского полковника Зольдинга. Но в этом поступке Трофимова и в этой готовности Скворцова выполнить суровый приказ как раз и обнажаются «корни» великого духа советского человека, подлинный его героизм. Гибель Скворцова, прошедшего пытки гестапо и снискавшего доверие Зольдинга, оправдана спасением партизанского отряда, равно как и жестокость, проявленная Трофимовым в отношении одной жизни, продиктована великой любовью к Родине. Это свойственно и другим героям П. Проскурина, не перекладывающим свою тяжкую ношу на чужие пле-

выполняют их добровольно, не пытаются восставать против необходимости и ей противиться. Вспомним далее, как в «Судьбе» добровольно идет на смерть проскуринский Белафин, сила духа и великое мужество которого повергли в изумление и страх захватчиков, ворвавшихся в древний Смоленск.

Художественные образы современников, созданные талантом П. Проскурина, подтверждают истину, что сила нации, ее корни находятся в народных низах. Эти люди обладают новым качеством — уверенностью в справедливости своих нравственных принципов, и это укрепляет их волю на трудном пути жизни. Формирование качественно нового самосознания Степана Лобова и Захара Дерюгина, Дербачева и Брюханова и многих других проскуринских героев переплетено в его книгах с выстраданными раздумьями писателя о судьбе народа. Народ и личность, народ и история, народ и земля — вот те главные «корни», раскрытые которых определяет творческий поиск писателя, обуславливая возвращение его к истокам народной жизни.

Герои П. Проскурина — люди труда, и вместе с тем это люди «государственные» — они хозяева страны, носители нравственной чистоты народа, его патриотизма и его неборимой веры.

Александр ШАГАЛОВ.